

Петров день

Наступило утро желанного, давно снившегося дня, наступило урааа, господа охотники!! 29-е июня... Наступил день, в который забываются долги, жучки, дорогие харчи, тещи и даже молодые жены, день, в который г. уряднику, запрещающему стрелять, можно показать двадцать кукишей...

Побледнели и затуманились звезды... Кое-где слышались голоса... Из деревенских труб повалил сизый, едкий дым. На серой колокольне показался не совсем еще проснувшийся пономарь и ударил к обедне... Слышалось храпенье растянувшегося под деревом ночного сторожа. Проснулись щуры, закопошились, залетали с одного конца сада на другой и подняли свое невыносимое, надоедливое чириканье... В терновнике запела иволга... Над людской кухней засуетились скворцы и удоны... Начался даровой утренний концерт...

К развалившемуся, живописно обросшему колючей крапивой крыльцу дома отставного гвардии корнета Егора Егорыча Обтемперанского подъехали две тройки. В доме и во дворе поднялась страшная кутерьма. Всё живущее вокруг Егора Егорыча заходило, забегало и застучало по всем лестницам, сараям и конюшням... Переменили одного коренного. У кучеров слетели с голов картузы, у лакея, Катькина прихвостня, засиял под носом красный фонарь, кухарок называли стервозами, слышалось имя сатаны и аггелов его... В пять минут тарантасы, наполнились коврами, полостями, кулками с провизией, ружейными чехлами.

Готово-с! пробасил Аввакум.

Пожалуйте! Готово! крикнул сладеньким голоском Егор Егорыч, и на крыльце показалась многочисленная публика. Первый вскочил в тарантас молодой доктор. За ним вполз архангельский мещанин Кузьма Больва, старичок в сапогах без каблуков, в рыжем цилиндре, с двадцатипятифунтовой двустволкой и с желто-зелеными пятнами на шее. Больва плебей, но гг. помещики, из уважения к его преклонным летам (он родился в конце прошлого столетия) и уменью попадать в подброшенный двугривенный, не брезгают его плебейством и берут с собой на охоту.

Пожалуйте, ваше превосходительство! обратился Егор Егорыч к маленькому седому толстячку в белом со светлыми пуговицами кителе и с аннинским крестом на шее. Подвиньтесь, доктор!

Отставной генерал крикнул, стал одной ногой на подножку и, поддерживаемый Егором Егорычем, толкнул животом доктора и грузно уселся возле Больвы. За генералом вскочили генеральский щенок Тщетный и легавый

Егора Егорыча, Музыкант.

М-м-м... того, братец... Ваня! обратился генерал к своему племяннику, юноше-гимназисту с длинной одностволкой через спину. Ты можешь сесть здесь, возле меня. Иди сюда! Н-да... Вот здесь. Не шали, мой друг! Лошадь может испугаться!

Пустив еще раз в нос коренному табачного дыма, Ваня вскочил в тарантас, отодвинул Большу от генерала и, повертевшись, сел. Егор Егорыч перекрестился и сел рядом с доктором. На козлах, рядом с Аввакумом, примостился длинный и сухой преподаватель математики и физики в Ваниной гимназии, г. Манже.

Первый тарантас Наполнился. Началась нагрузка второго тарантаса. Готово! крикнул Егор Егорыч, когда во второй тарантас, после долгих споров и беганья вокруг и около, поместились остальные восемь человек и три собаки. Готово! крикнули гости.

Ну? Итак, значит, трогать, ваше превосходительство? Господи благослови, трогай, Аввакумка!

Первый тарантас покачнулся и тронулся с места. Второй, вмещавший в себе самых ярых охотников, покачнулся, отчаянно скрипнул, взял немного в сторону и, очутившись впереди первого, покатыл к воротам. Охотники улыбнулись все разом и захлопали от восторга в ладоши. Все почувствовали себя на седьмом небе, но... злая судьба!.. не успели они выехать со двора, как случился скандал...

Стой! Подожди! Стой!!! раздался сзади троек пронзительный тенор. Охотники оглянулись и побледнели. За тройками гнался невыносимейший в мире человек, известный всей губернии скандалист, брат Егора Егорыча, отставной капитан 2-го ранга Михей Егорыч... Он отчаянно махал руками. Тройки остановились.

Что тебе? спросил Егор Егорыч.

Михей Егорыч подбежал к тарантасу, стал на подножку и замахнулся на Егора Егорыча. Охотники зашумели.

Что такое? спросил покрасневший Егор Егорыч.

То такое, закричал Михей Егорыч, что ты Иуда, скотина, свинья!.. Свинья, ваше превосходительство! Ты отчего не разбудил меня? Отчего ты не разбудил меня, осел, я тебя спрашиваю, подлеца эдакого? Позвольте, господа... Я ничего... Я его только поучить хочу! Ты почему не разбудил меня? Не хочешь брать с собой? Я помешаю тебе? Напоил меня вчера вечером нарочно и думал, что я просплю до двенадцати часов! Каков молодец! Позвольте, ваше превосходительство... Я его только раз... смажу... Позвольте! Чего вы лезете? крикнул генерал, растопыривая руки. Разве не видите, что нет места? Вы уж слишком... позволяете...

Напрасно ты бранишься, Михей, сказал Егор Егорыч. Я не разбудил тебя потому, что тебе незачем ехать с нами... Ты не умеешь стрелять. Зачем тебе ехать? Мешать? Ведь ты не умеешь стрелять!

Не умею? Не умею я стрелять? закричал Михей Егорыч так громко, что даже Больва заткнул уши. Но, в таком случае, за каким чёртом доктор едет! Он тоже не умеет стрелять! Он лучше меня стреляет?

Он прав, господа, сказал доктор. Я не умею стрелять, не умею ружья даже держать... Я терпеть не могу стрельбы... Я не знаю, зачем вы берете меня с собой... За каким дьяволом? Пусть он садится на мое место! Я остаюсь!.. Есть место, Михей Егорыч!

Слышишь, слышишь? Зачем же ты его берешь?

Доктор поднялся с явным намерением вылезти из тарантаса. Егор Егорыч схватил доктора за фалду и потянул его вниз.

Но... не рвите сюртука! Он тридцать рублей стоит... Пустите! И вообще, господа, я просил бы вас не беседовать со мной сегодня... Я не в духе и могу неприятностей наделать, сам того не желая. Пустите, Егор Егорыч! Садитесь на мое место, Михей Егорыч! Я спать пойду!

Вы должны ехать, доктор! сказал Егор Егорыч, не выпуская фалды. Вы дали честное слово, что поедете!

Это было вынужденное честное слово. Ну, для чего мне ехать, для чего?

А для того, запищал Михей Егорыч, чтобы вы не остались с его женой! Вот для чего! Он ревнует к вам, доктор. Не езжайте, голубчик! Назло не езжайте!

Ревнует, ей-богу ревнует!

Егор Егорыч густо покраснел и сжал кулаки.

Эй, вы! крикнули с другого тарантаса. Михей Егорыч, будет вам ерундить!

Идите сюда, нашлось место!

Михей Егорыч ехидно улыбнулся.

А что, акула? сказал он. Чья взяла? Слышал? Нашлось место! Назло поеду!

Поеду и буду мешать! Честное слово, буду мешать! Ни черта не убьешь! А вы, доктор, не езжайте. Пусть лопнет от ревности.

Егор Егорыч поднялся и потряс кулаками. Глаза его налились кровью.

Негодяй! сказал он, обращаясь к брату. Ты не брат мне! Недаром прокляла тебя матушка покойница! Батюшка скончался во цвете лет чрез твоё безнравственное поведение!

Господа... вмешался генерал. Я полагаю... достаточно. Братья, рродные братья!

Он родной осел, ваше превосходительство, а не брат! Не езжайте, доктор! Не езжайте!

Трогай, чтобы чёрт побрал вас... А-а-а... Чёрт знает, что такое! Трогай!

крикнул генерал и ударил кулаком в спину Аввакума. Тррогай!

Аввакум ударил по лошадям, и тройка тронулась с места. Во втором тарантасе писатель, капитан Кардамонов, взял себе на колени двух собак, а на их место усадил ретивого Михея Егорыча.

Счастье его, что нашлось место! сказал Михей Егорыч, усаживаясь в тарантасе, а то бы я его... Опишите-ка этого разбойника, Кардамонов!

Кардамонов послал в прошлом году в Ниву статью под заглавием: Интересный случай многоплодия среди крестьянского народонаселения, прочел в почтовом ящике неприятный для авторского самолюбия ответ, пожаловался соседям и прослыл писателем.

Согласно предначертанному плану действий, решено было ехать прежде всего на крестьянский сенокос, находящийся в семи верстах от имения Егора Егорыча, ехать на перепелов. Приехавши на сенокос, охотники вылезли из тарантасов и разделились на две группы. Одна группа, имея во главе генерала и Егора Егорыча, направилась направо; другая, с Кардамоновым во главе, пошла налево. Ботьва отстал и пошел сам по себе. На охоте он любил тишину и молчание. Музыкант с лаем побежал вперед и через минуту согнал перепела. Ваня выстрелил и не попал.

Высоко взял, чёрт возьми! проворчал он.

Щенок Тщетный, взятый приучаться, услышав первый раз в жизни выстрел, залаял и, поджав хвост, побежал к тарантасам. Манже выстрелил в жаворонка и попал.

Нравится мне эта птичка! сказал он, показывая доктору жаворонка.

Проваливайте... сказал тот. Вообще я просил бы вас не беседовать со мною... Я сегодня не в духе. Отойдите от меня!

Вы скептик, доктор!

Я-то? Гм... А что значит скептик?

Манже задумался.

Скептик значит человеко... человеко... нелюбец, сказал он.

Врете. Не употребляйте тех слов, которых вы не понимаете. Отойдите от меня!

Я могу наделать неприятностей, сам того не желая... Я не в духе...

Музыкант сделал стойку. Генерал и Егор Егорыч побледнели и притаили дыхание.

Я выстрелю! прошептал генерал. Я... я... позвольте! Вы во второй раз уж того...

Но не удалась стойка. Доктор от нечего делать пустил камешком в Музыканта и попал между ушей... Музыкант взвизгнул и подскочил. Генерал и Егор Егорыч оглянулись. В траве послышался шорох и взлетел крупный стрепет. Во второй группе зашумели и указали на стрепета. Генерал, Манже и Ваня прицелились. Ваня выстрелил, у Манже осеклось... Поздно было! Стрепет

полетел за курган и опустился в рожь.

Полагаю, доктор, что... не время теперь шутить! обратился генерал к доктору.
Не время-с!

А?

Не время теперь шутить.

Я не шучу.

Неловко, доктор! заметил Егор Егорыч.

Не брали бы... Кто вас просил брать меня? Впрочем... не желаю объясняться...
Я не в духе сегодня...

Манже убил другого жаворонка. Ваня согнал молодого грача, выстрелил и не попал.

Высоко взял, чёрт возьми! проворчал он.

Послышались два подряд выстрела: Больва уложил за курганом своей тяжелой двустволкой двух перепелов и положил их в карман. Егор Егорыч согнал перепела и выстрелил. Подстреленная перепелка упала в траву.

Торжествующий Егор Егорыч поднял ее и поднес генералу:

В крылышко, ваше превосходительство! Жива еще-с!

Н-да... Жива... Надо предать скорой смерти.

Сказавши это, генерал поднес перепелку ко рту и клыками перегрыз ей горло.

Манже убил третьего жаворонка. Музыкант сделал другую стойку. Генерал сбросил с головы фуражку, навел ружье... Пиль! Взлетел крупный перепел, но... мерзавец доктор торчал как раз в области выстрела, почти перед дулом!
Прочь! крикнул генерал.

Доктор отскочил, генерал выстрелил, и, разумеется, дробь опоздала.

Это низко, молодой человек! крикнул генерал.

Что такое? спросил доктор.

Вы мешаете! Чёрт вас просит мешать! По вашей милости я промахнулся! Чёрт знает что такое из рук вон!

Да вы-то чего кричите? Пфф... не боюсь! Я генералов не боюсь, ваше превосходительство, а в особенности отставных. Потихе, пожалуйста!

Удивительный человек! Ходит и мешает, ходит и мешает, ангел выйдет из терпения!

Не кричите, пожалуйста, генерал! Кричите вот на Манже! Он, кстати, боится генералов. Хорошему охотнику никто не помешает. Скажите лучше, что стрелять не умеете!

Довольно-с! Вам слово вы десять... Ваничка, дай-ка сюда пороховницу!
обратился генерал к Ване.

Для чего ты пригласил на охоту этого бурбона? спросил доктор Егора Егорыча.

Нельзя, брат! ответил Егор Егорыч. Нельзя было не взять. Ведь я ему того...

восемь тысяч... Э-хе-хе, братец! Не будь этих проклятых долгов...

Егор Егорыч не договорил и махнул рукою.

Правда, что ты ревнуешь?

Егор Егорыч отвернулся и прицелился в высоко летевшего коршуна.

Ты его потерял, молокосос! раздался громовый голос генерала. Ты потерял его! Он сто рублей стоит, поросенок!

Егор Егорыч подошел к генералу и осведомился, в чем дело. Оказалось, что Ваня потерял генеральский патронташ. Начались поиски за патронташем, и охота была прервана. Поиски продолжались час с четвертью и увенчались успехом. Нашедши патронташ, охотники сели отдохнуть.

Во второй группе перепелиная охота была тоже не совсем удачна. В этой группе Михей Егорыч был тем же, чем доктор в первой, даже хуже. Он выбивал из рук ружья, бранился, бил собак, рассыпал порох, словом выделявал чёрт знает что... После неудачных выстрелов по перепелам, Кардамонов со своими собаками погнался за молодым коршуном. Коршуна подстрелили и не нашли. Капитан 2-го ранга убил камнем суслика.

Господа, давайте анатомировать суслика! предложил письмоводитель предводителя дворянства, Некричихвостов.

Охотники сели на траву, вынули перочинные ножи и занялись анатомией.

Я в этом суслике ничего не нахожу, сказал Некричихвостов, когда суслик был изрезан на мелкие кусочки. Даже сердца нет. Вот кишки так есть. Знаете что, господа? Поедемте-ка на болота! Что мы тут можем убить? Перепела не дичь; то ли дело кулички, бекасы... А? Едем!

Охотники поднялись и лениво направились к тарантасам. Приближаясь к тарантасам, они сделали залп по свойским голубям и убили одного.

Ваше превосх... Егорыгорч! Ваше... Егорч... закричала вторая группа, увидев отдыхающую первую. Ау, ау!

Генерал и Егор Егорыч оглянулись. Вторая группа замахала фуражками.

Зачем? крикнул Егор Егорыч.

Дело есть! Дрохву убили! Скорей сюда!

Первая группа дрохве не поверила, но к тарантасам пошла. Усевшись в тарантасы, охотники порешили оставить перепелов в покое и согласно маршруту проехать еще пять верст к болотам.

Я ужасно горяч на охоте, обратился генерал к доктору, когда тройки отъехали версты на две от сенокоса. Ужасно! Отца родного не пощажу. Уж вы того... извините старику!

Гм...

Каким добряком, шельмец, стал! шепнул Егор Егорыч доктору на ухо. Что значит мода пошла дочек за докторов отдавать! Хитер его превосходительство! Хе-хе-хе...

А просторней стало! заметил Ваня.

Да.

Отчего бы это? Совсем просторно...

Господа, а Больва где? хватился Манже.

Охотники посмотрели друг на друга.

Где Больва? повторил Манже.

Должно быть, на той тройке. Господа, крикнул Егор Егорыч, Больва с вами?

Нет, нету! крикнул Кардамонов.

Охотники задумались.

Ну, чёрт с ним! порешил генерал. Не ворочаться же за ним!

Надо бы, ваше превосходительство, воротиться. Слаб уж очень! Без воды умрет. Не дойдет.

Захочет, так дойдет.

Умрет старичок. Ведь ему девяносто!

Пустяки.

Подъехав к болотам, наши охотники вытянули физиономии... Болота были запружены охотниками, и вылезать из тарантасов поэтому не стоило. Немного подумав, охотники порешили проехать еще пять верст, к казенным лесам.

Кого же вы там стрелять будете? спросил доктор.

Дроздов, орлиц... Ну, тетеревов.

Так-с. Ну, а что поделывают теперь мои несчастные больные? И зачем вы меня взяли с собой, Егор Егорыч? Эх!

Доктор вздохнул и почесал затылок. Подъехав к первому попавшемуся леску, охотники повылезли из тарантасов и начали совещаться: кому идти направо и кому налево?

Знаете что, господа? предложил Некричихвостов. В силу того закона, так сказать, в некотором роде природы, что дичь от нас не уйдет... Гм... Дичь от нас не уйдет, господа! Давайте-ка прежде всего подкрепимся! Винца, водочки, икорки... балычка... Вот тут, на травке! Вы какого мнения, доктор? Вам лучше это знать: вы доктор. Ведь нужно подкрепиться?

Предложение Некричихвостова было принято. Аввакум и Фирс разостлали два ковра и разложили вокруг них кульки со свертками и бутылками. Егор Егорыч порезал колбасу, сыр, балык, Некричихвостов раскупорил бутылки, Манже нарезал хлеба... Охотники облизнулись и возлегли.

Ну-с, ваше превосходительство! По маленькой...

Охотники выпили и закусили. Доктор тотчас же налил себе другую и выпил.

Ваня последовал его примеру.

А ведь тут, надо полагать, и волки есть, глубокомысленно заметил Кардамонов, посматривая искоса на деревья.

Охотники подумали, поговорили и минут через десять порешили, что волков, надо полагать, нет.

Ну-с? По другой? Пропустим-ка! Егор Егорыч, вы чего смотрите?

Выпили по другой.

Молодой человек! обратился Егор Егорыч к Ване. Вы-то чего думаете?

Ваня замотал головой.

Но при мне можешь, сказал генерал. Без меня не пей, но при мне... Выпей немножко!

Ваня налил рюмку и выпил.

Ну-с? По третьей? Ваше превосходительство...

Выпили по третьей. Доктор выпил шестую.

Молодой человек!

Ваня замотал головой.

Пейте, Амфитеатров! сказал покровительственным тоном Манже.

При мне можешь, но без меня... Выпей немного!

Ваня выпил.

Чего это небо сегодня такое синее? спросил Кардамонов.

Охотники подумали, потолковали и через четверть часа порешили, что неизвестно, отчего это небо сегодня такое синее.

Заяц... заяц... заяц!!! Держи!!!

За бугром показался заяц. За ним гнались две дворняги. Охотники повскакали и ухватились за ружья. Заяц пролетел мимо, помчался в лес, увлекая за собой дворняг, Музыканта и других собак. Тщетный подумал, посмотрел подозрительно на генерала и тоже помчался за зайцем.

Крупный!.. Вот его бы того... Как это мы... прозевали?

Да. Чего же эта бутылка тут того... Это вы не выпили, ваше высокопревосходительство? Э-э-э-э... Так вот вы как? Хо-ро-шо-с!

Выпили по четвертой. Доктор выпил девятую, с остервенением крикнул и отправился в лес. Выбрав самую широкую тень, он лег на травку, подложил под голову сюртук и тотчас же захрапел. Ваню развезло. Он выпил еще рюмочку, принялся за пиво, и в нем взыграла душа. Он стал на колени и продекламировал 20 стихов из Овидия.

Генерал заметил, что латинский язык очень похож на французский... Егор Егорыч согласился с ним и добавил, что при изучении французского языка необходимо знать похожий на него латинский. Манже не согласился с Егором Егорычем, заметив, что не место толковать там про языки, где сидит физико-математик и стоит так много бутылок, добавив, что ружье его прежде дорого стоило, что теперь нельзя найти хорошего ружья, что...

По восьмой, господа?

Не много ли будет?

Ну-у-у... Что вы! Восемь, и много?! Вы, значит, не пили никогда!

Выпили по восьмой.

Молодой человек!

Ваня замотал головой.

Полно! Ну-ка, по-военному! Вы так хорошо стреляете...

Выпейте, Амфитеатров! сказал Манже.

При мне пей, но без меня... Выпей немного!

Ваня отставил в сторону пиво и выпил еще рюмочку.

По девятой, господа, а? Какого мнения? Терпеть не могу числа восемь.

Восьмого числа у меня умер отец... Федор... то есть, Иван... Егор Егорыч!

Наливайте!

Выпили по девятой.

Жарко, однако.

Да, жарко, но это не помешает нам выпить по десятой!

Но...

Плевать на жару! Докажем, господа, стихиям, что мы их не боимся! Молодой человек! Покажите-ка пример... Пристыдите вашего дядюшку! Не боимся ни холода, ни жары...

Ваня выпил рюмочку. Охотники крикнули ура и последовали его примеру.

Солнечный удар может приключиться, сказал генерал.

Не может.

Не может... при нашем климате? Гм...

Однако бывали же случаи... Мой крестный умер от солнечного удара...

Вы, доктор, как думаете? Может ли при нашем климате удар приключиться... солнечный, а? Доктор!

Ответа не последовало.

Вам не приходилось лечить, а? Мы про солнечный... Доктор, где же доктор?

Где доктор? Доктор!

Охотники посмотрели вокруг себя: доктора не было.

Где же доктор? Исчезоша? Яко воск от лица огня! Ха-ха-ха.

К Егоровой жене отправился! ляпнул Михей Егорыч.

Егор Егорыч побледнел и уронил бутылку.

К жене его отправился! продолжал Михей Егорыч, кушая балык.

Чего же вы врете? спросил Манже. Вы видели?

Видел. Ехал мимо мужик на таратайке... ну, а он сел и уехал. Ей-богу. По одиннадцатой, господа?

Егор Егорыч поднялся и потряс кулаками.

Я спрашиваю: куда вы едете? продолжал Михей Егорыч. За клубникой,

говорит. Рожки шлифовать. Я, говорит, уж наставил рожки, а теперь шлифовать еду. Прощайте, говорит, милый Михей Егорыч! Кланяйтесь, говорит, свояку Егору Егорычу! И этак еще глазом сделал. На здоровье... хе-хе-хе.

Лошадей!! крикнул Егор Егорыч и, покачиваясь, побежал к тарантасу. Скорей, а то опоздаешь! крикнул Михей Егорыч.

Егор Егорыч втащил на козлы Аввакума, вскочил в тарантас и, погрозив охотникам кулаком, покатыл домой...

Что же всё это значит, господа? спросил генерал, когда скрылась с глаз белая фуражка Егора Егорыча. Он уехал... На чем же, чёрт возьми, я уеду? Он на моем тарантасе уехал! То есть не на моем, а на том, на котором мне нужно уехать... Это странно... Гм... Дерзко с его стороны...

С Ваней сделалось дурно. Водка, смешанная с пивом, подействовала как рвотное... Нужно было везти Ваню домой. После пятнадцатой охотники порешили тройку уступить генералу, с тем только условием, чтобы он, приехавши домой, немедленно выслал свежих лошадей за остальной компанией.

Генерал стал прощаться.

Передайте ему, господа, сказал он, что... что так делают одне только свиньи. Вы, ваше превосходительство, вексея его протестуйте! посоветовал Михей Егорыч.

А? Вексея? Нда-с... Пора уже ему... Нужно честь знать... Я ждал, ждал и наконец утомился ждать... Скажите ему, что протест... Прощайте, господа! Прошу ко мне! А он свинья-с!

Охотники простились с генералом и положили его в тарантас рядом с заболевшим Ваней.

Трогай!

Ваня и генерал уехали.

После восемнадцатой охотники отправились в лес и, постреляв немного в цель, улеглись спать. Перед вечером приехали за ними генеральские лошади. Фирс вручил Михею Егорычу письмо с передачей братцу. В этом письме была просьба, за неисполнение которой грозились судебным приставом. После третьей (проснувшись, охотники повели новый счет) генеральские кучера уложили охотников в тарантасы и развезли их по домам.

Егор Егорыч, приехавши домой, был встречен Музыкантом и Тщетным, для которых заяц был только предлогом, чтобы удрать домой. Посмотрев грозно на свою жену, Егор Егорыч принялся за поиски. Были обысканы все кладовые, шкафы, сундуки, комоды, доктора не нашел Егор Егорыч. Он нашел другого: под жениной кроватью обрел он псаломщика Фортунатова...

Было уже темно, когда проснулся доктор... Поблуждав немного по лесу и

вспомнивши, что он на охоте, доктор громко выругался и принялся аукать. Ответа на ауканье, разумеется, не последовало, и он порешил отправиться домой пешечком. Дорога была хорошая, безопасная, светлая. Двадцать четыре версты он отмахал в какие-нибудь четыре часа и к утру был уже в земской больнице. Побранившись всласть с фельдшерами, акушеркой и больными, он принялся сочинять огромное письмо к Егору Егорычу. В этом письме требовалось объяснение неблагоприятных поступков, бранились ревнивые мужья и давалась клятва не ходить никогда более на охоту, никогда! даже и двадцать девятого июня.